

Анна Желнина

*Национальный исследовательский институт
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербургский государственный университет*

«Гусовка», креативность и право на город: городское публичное пространство в России до и после протестной волны 2011–2012 годов¹

Аннотация

Статья посвящена проблеме городского публичного пространства в российских городах в контексте протестов против фальсификации выборов в 2011–2012 годах. На волне движения «Оссиру» значение городского пространства и борьба за него стали центральными темами дискуссий во всем мире, но, рассматривая протестные движения, важно обращаться к национальной и локальной специфике использования публичного пространства. Поэтому в статье внимание сосредоточено на пост-социалистических трансформациях публичного пространства в городах России: Санкт-Петербурге и Москве. Позиции, репрезентации и восприятие публичного пространства анализируются на

---

¹ Исследование «Пере-интерпретация публичного пространства» проводилось в Национальном исследовательском институте «Высшая Школа Экономики» в рамках программы Академического фонда, 2013 год, грант № 13-05-0036.

основе медиа-материалов (СМИ и блоги рассматриваются наряду с официальными документами). Анализ показывает, насколько важным был вопрос пространства в российских поствыборных протестах 2011–2012 годов: протестующие стремились вернуть гражданам центральные и символически нагруженные части города, и, тем самым, вернуть политическую власть как таковую. Путь обретения пространства сегодня проходит не только через митинги и протестные акции, но также через разнообразные акции прямого действия, направленные на трансформацию городского пространства.

Ключевые слова:

креативность, оккупации городского пространства, пост-социалистические трансформации, протестное движение 2011–2012, публичное пространство.

Введение

Международная волна протестов последних лет, новые аспекты уличной политики, а также проблемы интерпретации результатов уличных акций вдохновляют исследователей публичного пространства. Люди появляются и остаются в местах, где их присутствие не предполагается, или даже запрещено. Тем самым городские пространства становятся на политическую повестку дня. Дэвид Харви, Ричард Сеннет и другие авторитетные представители городских исследований охарактеризовали движение «Оссиру» как ключевое событие для понимания современного развития публичного пространства, демократии и политического участия (Harvey 2011; Sennett 2012). Политическая составляющая движений, подобных «Оссиру», очевидна, однако теоретики-урбанисты обращают внимание на пространственное измерение протестных событий и ставят, таким образом, проблему публичного пространства и права на город в центр рассмотрения. Для Харви «Оссиру» — это манифестация одного из наиболее существенных вызовов капиталистического города: доступ к принятию решений для обитателей города ограничен, и это значит, что их права на город нарушены. Харви подчеркивает значение городского публичного пространства как предельной цели политической коммуникации: «Это показывает нам, что коллективная власть тел в публичном пространстве все еще остается наиболее эффективным инструментом противостояния, когда все другие возможности доступа заблокированы». Для Ричарда Сеннета движение «Оссиру» раскрывает ключевые вопросы городского публичного пространства. «Движение “Оссиру” наглядно демонстрирует вопрос

о публичном пространстве — кто им владеет? Кто может им пользоваться?» (Sennett 2012). Сеннет ставит вопрос об амбивалентности городского пространства, обращаясь к новому способу пребывания «оккупирующих» граждан в публичной сфере: они не просто проходят мимо, но остаются там, удовлетворяют все повседневные потребности, а также берут под контроль пространство, следят за его чистотой и сохранностью. То, как переплелись политические требования и житейские практики, так же как и распространение этого нового способа нахождения в публичном пространстве на международном уровне, возвращает нас к дискуссии об идее права на город и ее роли в современном гражданском участии, и вместе с тем вдохновляет нас на пересмотр концепции городского публичного пространства как такового.

Протесты против фальсификации результатов выборов в России в 2011–2012 годах можно проанализировать также в контексте глобального движения «Оссиру», хотя захват публичных пространств не был здесь основной формой протеста. Подобная «оккупация» происходила в нескольких городах, наряду с митингами и протестными демонстрациями, тем не менее, эти события были беспрецедентными по количеству граждан, вышедших на улицы, и невиданной по своей жесткости реакции властей — что вызвало дискуссию о городском публичном пространстве и правах на него в русскоязычном дискурсе.

Понятие «городское публичное пространство» до начала протестов использовалось довольно редко. В основном его применяли немногочисленные специалисты по городскому планированию и городским исследованиям, а в общественном дискурсе понятие не фигурировало. Однако беспрецедентная по своему размаху «оккупация» протестующими открытых пространств в российских городах послужила поводом для начала дискуссии об этом понятии в целом, а так же стимулировала дебаты об ограничениях и возможностях использования городских пространств самими жителями: вопросы о качестве публичной городской жизни, публичных собраниях и мест, для них отведенных, поднимались медиа и городскими жителями.

Несмотря на различный идеологический контекст и состав участников «Occupy Wall Street» и движения против фальсификаций на выборах соответственно (Нью-Йоркский «Оссиру» — антикапиталистическая платформа, в то время как движение «За честные выборы» не имело четкой идеологической направленности за исключением общего для всех участников желания свергнуть Путина и его партию, в нем были представлены участники почти всего спектра политических идеологий), очевидно, что форма и роль городских пространств были важны для обоих движений. Так же, как и в случае «Occupy Wall Street» на Западе, российская публика начала задаваться сходными вопросами: кто имеет право на городское пространство, кто может его использовать?

Конфликт между правами на использование общественных пространств в различных целях во время протестов (протестующих часто обвиняли в том, что они отнимают право других на «мирное» использование общественных пространств) также упоминался в дискуссиях. После протестов, включавших в себя захват общих пространств, идея «публичного пространства» обсуждалась в медиа и как пространство для самовыражения, и как пространство, отмеченное рядом ограничений, связанных с присутствием в нем других.

В результате протестов и реакции правительства возможности организации действий в публичных пространствах существенно сузились ввиду новой законодательной инициативы, принятой Государственной Думой в июне 2012 года: согласно новому закону, несанкционированные собрания в публичных местах грозят большими штрафами и даже тюрьмой². Таким образом, публичное пространство можно рассматривать с двух сторон — как пространство возможностей (существует несколько проектов в сфере городского планирования в Москве и Санкт-Петербурге, направленных на развитие городского публичного пространства), но также и как пространство угрозы — угрозы как для «обычных граждан» (для тех, кто не участвует в протестах, и предпочитает «стабильность» «революции»), так и для правительства (в начале 2012 года некоторые медиа воспроизвели эту риторику, приводя в пример «хороший опыт» Парижа, где митингующим предложили занять стадион, чтобы не беспокоить местных жителей и администрацию³).

Несмотря на то, что сравнение проявлений авторитарного и капиталистического (все же более мягкого по отношению к свободе собраний) режимов может показаться неуместным, оно является допустимым в контексте проблематики публичного пространства и его протестного потенциала: в обоих случаях захват пространства трактовался властями как «нелегальный» и становился катализатором политического противостояния. В этой статье я попытаюсь проанализировать значение публичного пространства в современных крупных городах России в качестве инструмента преобразований, делая акцент в основном на дискурсивных интерпретациях, но также и отдавая должное различным практикам публичности до и после протестной волны 2011–2012 годов.

---

² Федеральный закон Российской Федерации от 8 июня 2012 г. № 65-ФЗ. г. Москва, *Российская газета*, 9 июня 2012. <http://www.rg.ru/2012/06/09/mitingidok.html>.

³ «Московские митинги мешают нормальной жизни города», *ТВ-Центр*. <http://www.mos-gaz.ru/press-service/publications/read18466.html>.

Публичное пространство: репрезентация и «тусовка»

Концепция публичного пространства является основной темой дебатов о праве на город, которая берет свое начало в исследованиях городских социальных движений — разнообразных гражданских инициатив, которые пытаются повлиять на процессы городского развития. Концепция «права на город» впервые была озвучена Анри Лефевром, и привлекла внимание многочисленных исследователей города — начиная от исследований социально-экономической географии и заканчивая анализом городских движений и антропологией (Harvey 2003, Mitchell 2003; Marcuse 2009). «Право на город» отсылает не только к праву жителей находиться в городе, но так же и к праву участвовать в принятии решений, определяющих будущее города, влиять на собственную окружающую среду. Большинство конфликтов в городском контексте можно рассматривать как борьбу за право на город, когда различные социальные группы пытаются повлиять на процесс принятия решений, вторгаясь в публичное пространство. Связь между правом на город и публичным пространством очень важна: только в публичном пространстве право на город может быть заявлено и реализовано. В этом тексте я попытаюсь раскрыть связь между городским публичным пространством и более широкими проблемами: гражданским участием и репрезентацией.

В анализе задействованы данные преимущественно из Санкт-Петербурга и Москвы. Для понимания природы борьбы за публичное пространство 2011–2012 годов нужно обрисовать более широкий контур концепции публичного пространства в российском урбанистическом контексте. Моя задача состоит в том, чтобы понять протестные движения 2011–2012 годов как реакцию не только на существующую социальную повестку или общественные проблемы. Как и в случае движения «Оссиру», политическое столкновение поставило под вопрос нехватку публичных городских пространств и чрезмерный контроль над ними со стороны полиции. Этот спор между консервативной и эмансипаторной идеологией не закончился вместе с протестами.

В первую очередь я бы хотела обозначить концептуальные рамки исследования: дебаты о «публичном пространстве» и «публичной сфере».

Как в общественной дискуссии, так и в академических дебатах нет единства в понимании термина публичное пространство. У этого термина существует два совершенно разных значения — эмпирическое и идеологическое. Первое относится в большей степени к сфере практик, а также более проектно-ориентированно: «городское публичное пространство» используется для описания городских пространств, открытых для людей, располагающих для тусовок на све-

жем воздухе, встреч с незнакомцами, приобщения к разнообразию городской жизни. Это представление о публичном пространстве воспекает разнообразие, открытость и чувственный опыт города (Lofland 1998; Whyte 2012). В этом смысле термин «публичное пространство» используется для репрезентации социального разнообразия, для усвоения и принятия этого разнообразия городскими жителями.

Вторая интерпретация связана с концепцией права на город в более привычном смысле: т. е. публичное пространство здесь рассматривается как площадка для репрезентации политической борьбы, конфликтов, или же острых социальных противоречий. Как писал недавно в своем блоге Питер Маркузе: «лучше всего использовать публичное пространство нелегально, более того — это необходимо» (Markuse 2013). В этой фразе Маркузе выражает свое видение публичного пространства как пространства политического, за которое нужно бороться. Дон Митчелл в своей книге 2003 года «Право на город: Социальная справедливость и борьба за публичное пространство» (Mitchell 2003) делает очень важное замечание по поводу такого определения, подчеркивая различие между «публичным» пространством, разрешенным государством, и оккупированным пространством, которое создается обществом, силами самих горожан, занявшими его. Как пишет Митчелл: «Пространство делает публичным — т. е. таким, где крик и требование могут быть услышаны — то, что такое пространство заранее не предназначено для этого. Скорее, публичным пространство становится тогда, когда под давлением необходимости, те или иные группы захватывают его и посредством своих действий делают его публичным» (Mitchell 2003: 35). «Но, — продолжает он, — сам акт появления группы (или даже одного индивида) на публике создает пространство для репрезентации» (Mitchell 2003: 35).

Так или иначе, здесь нет противоречия между городским пространством под открытым небом и политизированным пространством городского протеста, группа может быть представлена в пространстве самим фактом нахождения в нем, занимая это пространство, без ведома администрации или владельцев конкретных мест. Такое нахождение в пространстве может протекать в более или менее политизированной форме (например, митинги и демонстрации), или же можно занимать пространство своим нежелательным присутствием (бездомные в парках). Движение «Оссиру» занимает место где-то посередине между этими крайностями, одновременно поднимая политические вопросы и захватывая пространство, действуя в этом пространстве вопреки предписаниям.

А теперь я хочу рассмотреть другое важное концептуальное отличие, а именно разницу между публичной сферой и публичным пространством. Эти термины часто используются как синонимы

(напр.: Calhoun 2002), но иногда они противопоставляются друг другу как абстрактная сфера формирования и обмена мнений (публичная сфера) и пространственное измерение взаимодействия незнакомых людей. Говоря о публичной сфере, нельзя избежать отсылки к Юргену Хабермасу, а именно к его идеи буржуазной публичной сферы, которая позже подверглась многообразной критике (Calhoun 1992; Fraser 1992). Однако определение публичной сферы по Хабермасу все еще является важным в текущих дебатах:

Говоря «публичная сфера», мы имеем в виду в первую очередь ту область нашей социальной жизни, в которой может быть сформировано что-то близкое к общественному мнению. Доступ гарантирован всем горожанам. Частичка публичной сферы воплощается в каждом взаимодействии, когда частные собрания формируют публичное тело (Habermas, Lennox, and Lennox 1974: 49).

Нэнси Фрейзер критиковала такой идеализирующий взгляд, приводя в пример контр-публичность, которая исключена из этой сферы — например, женщины, а также представители других социальных групп, которые формируют альтернативные публичные сферы, тем самым оказывая определенное давление и в конце концов трансформируя и расширяя «настоящую» публичную сферу (Fraser 1992). Ну и наконец публичная сфера таким образом подразумевает сферу, где формируется мнение, где различные и противоречивые точки зрения требуют выработки консенсуса. Для концепции «публичной сферы» в большей степени важны участники, их мнения и впечатления, нежели пространственный контекст коммуникации: «публичное» важнее, чем «пространство».

Даже в своих видоизмененных и менее примирительных версиях концепция публичной сферы кажется Дону Митчеллу недостаточно критичной. Как он говорит в отличие от концепции «публичного пространства», такая концепция слишком абстрактна для того чтобы постичь всю сложность социальных и политических противоречий в современных обществах. Публичная сфера работает на достижение консенсуса, тогда как публичное пространство сохраняет в себе потенциал борьбы и действия вопреки консенсусу. И если, согласно теоретикам, публичная сфера сегодня становится более открытой, включающей (после вторжения в нее контр-публики), то публичное пространство движется в противоположном направлении: его подавляют возрастающие контроль и надзор, «даже несмотря на то, что многие города увеличивают свой ресурс открытых пространств и парковых зон» (Mitchell 2003: 143). Большинство исследований сходится на том, что городское публичное пространство столкнулось с кризисом, причина которого — рост приватизации и коммодификации пространства, возрастающая боязнь Других и т. д. (Low 1997;

Mitchell 1995; Aurigi and Graham 1997; Allen 2006). «Возрождение» традиции текстов о публичном пространстве говорит о тревожной динамике — городские публичные пространства (в Европе и Северной Америке) раньше были открытыми и демократичными, но сегодня им угрожает вторжение общественных страхов, поползновения частной собственности и частных интересов. В случае с Россией мы также можем наблюдать, как увеличивается контроль над публичными пространствами города, хотя в нашем случае коммодификация и коммерциализация сочетается с политическими репрессиями. Однако «публичная сфера» также сталкивается с некоторыми трудностями, не смотря на то, что контроль над социальными медиа на том же уровне, что и над публичными пространствами города (агрессивный разгон демонстраций в физическом пространстве) осуществить все еще не возможно.

Вопросы «публичного», «публичного пространства» и «публичной сферы», — это глобальные понятия, и необходим определенный контекст, когда речь идет о России. В следующей главе я обрисую контуры дебатов о публичном пространстве в пост-социалистических городах.

Значение «пост-социалистического» публичного пространства для дискуссии

Большинство авторов, пишущих о публичном пространстве в пост-социалистических городах, неизбежно применяют исследовательские рамки социальной трансформации, и, в конце-концов исследуют переход от пост-социализма к капитализму. Наше исследование было посвящено изменению правосознания в области собственности, значений, присваиваемых пространству, и других возможных аспектах пост-социалистических изменений, отражающихся на городском пространстве (Bodnar 1998; Andrusz 2007; Stanilov 2007b). Существует большое количество текстов, посвященных «пост-социалистическому», «пост-индустриальному» (Burgers 2006) или «пост-колониальному» публичному пространству. Среди множества прочих, политическое измерение городского публичного пространства раскрывается в исследовании, посвященном Белграду 1996–1997 годов и протестам против Милошевича: их анализировали с точки зрения разветвленной структуры формирования идентичностей, обсуждения пространственных метафор «города» и «Европы» (Jansen 2001). Сходство в протестных практиках городских пространств, которые рассматривает Янсен, и недавних протестов в российских городах наводит на мысль о том, что особенности городского публичного пространства производятся похожими практиками и моделями поведения.

Говоря о городском публичном пространстве, я имею в виду не только физическое пространство, но и практики использования пространства, формы поведения, допустимые и запрещенные в зависимости от политической или социальной напряженности. Эмпирические case studies публичных пространств в различных городских и национальных контекстах демонстрируют, как сильно отличаются модели публичного пространства в разных обществах — в зависимости от различных особенностей местной публичной культуры, политических и социальных обстоятельств и т. д. (Mitchell 1995; Jansen 2001; Nielsen 2004; Engel 2006). Следовательно, есть смысл говорить о различных «режимах» и порядках «публичного» в различных контекстах. Поэтому я считаю необходимым тщательное исследование для того, чтобы определить социальные и политические обстоятельства и особенности каждого из случаев.

В академических текстах степень «публичности» пространства в основном измеряется по шкале доступности, открытости, свободы выражения. «Публичности» угрожает возрастающий контроль (вплоть до репрессий), коммерциализация и страх. Это одинаково применимо к социалистическим, пост-социалистическим обществам и западным капиталистическим странам. Ограничение доступа вследствие растущего социального неравенства и попытки состоятельной части общества «отделить» себя от остальных, неугодных элементов — все это наиболее наглядно показывает, что из себя представляют публичные пространства в западных капиталистических городах (Low 1997; Mitchell 1995). Социалистические города не испытывали этого негативного влияния капитализма; однако публичное пространство контролировалось и охранялось полицией в гораздо большей степени, чем в Европе и США (Engel 2006; Stanilov 2007a). Пост-социалистическим обществам суждено столкнуться как с новыми вызовами капиталистического неравенства, так и с наследием своих тоталитарных/авторитарных режимов прошлого. Тем не менее, подобные попытки измерить различные культурные и исторические реалии по одной шкале не чувствительны к разным режимам, паттернам и интерпретациям «публичного пространства». Примеры пост-социалистических стран могут быть полезны исследователям, которые пытаются применить более чуткий инструментарий для анализа и понимания роли «публичных пространств» в разных контекстах.

Советская идея публичного пространства отражалась во многих проектах, задуманных и осуществленных во времена СССР: все городские пространства были «публичными» (в том смысле, что принадлежали государству) по умолчанию, однако только санкционированная активность была разрешена и допускалась в местах большого скопления людей. Формальный статус «общего места» не отражал реальных возможностей в использовании этих пространств: цен-

тральные площади и улицы предназначались для демонстраций и митингов, задуманных и проводимых под руководством властей. Под «публичным пространством» в этой концепции подразумевается место для коллективных действий, организованных властями (Engel 2006: 167). Неконтролируемые собрания людей в центральных открытых пространствах были нежелательны, и повседневные взаимодействия городских жителей были загнаны в частную сферу или в пустые, ничейные места: кухни, гаражи, задние дворы и пустыри (Zhel'nina 2011), формируя именно в этих зонах жизнь, альтернативную той, что была навязана государством.

Это привело к строгому разделению на «публичную» и «частную» сферу в советских городах — предмет исследования многих историков и антропологов (Boym 1994; Nielsen 2004). Норвежский антрополог Ф.С. Нильсен использует пространственную метафору для этой двойственности, проспект как место для репрезентации цивилизации, хорошо обустроенной и ухоженной, двор как место, где люди действительно живут и взаимодействуют. Но двор, не будучи частным местом для взаимодействия (внутренние дворы в то время не были закрытыми), — это в то же время и не полностью открытое публичное пространство; скорее, это место, скрытое от посторонних, некая «безгосударственная зона» (Nielsen 2004: 55). Поэтому повсеместное разделение на «частную» и «публичную жизнь» распространялось на все городское пространство, а открытые пространства города не функционировали как такие публичные места, где могут происходить случайные взаимодействия незнакомцев и где допустимо культурное или физическое разнообразие людей.

После падения советской системы баланс публичного-приватного начал меняться: значение открытых пространств и дворов снова подверглось пере-интерпретации. Эти изменения были вызваны глобальными силами и переходом от плановой экономики к рыночной. Процесс переустройства города был усилен новыми экономическими и политическими условиями, но особенности локальных политик и имиджей городов способствовали новой, неединообразной интерпретации публичных пространств и городской идентичности в разных городах.

Борис Гладарев в своей работе о градозащитном движении Санкт-Петербурга тоже пишет о разделении общественного и частного, «кухонных бесед» советского периода. Для него режим «публичного» возможен только при условии, когда управление коммуникацией и соответствующим языком находятся в ведении горожан (Gladarev 2011). Таким образом, специфика взаимодействия в публичной сфере определяется телесными и языковыми навыками «надлежащего» поведения. Советское государство и идеология ослабили эти навыки: с тех пор, как перестала существовать свобода слова, полноценное взаимодействие оказалось загнанным на «кухни»,

в частные, проверенные зоны, тогда как «публичная» сфера была бюрократизирована и предлагала горожанам ограниченный набор общественных ролей. Гласность и Перестройка сделали многообразные виды публичной коммуникации формально возможными, но использовать их на практике было чрезвычайно трудно, так как свод правил и коммуникативных кодов в обществе должен был быть установлен заново и усвоен. «Публичный порядок предполагает самоограничение и контроль над аффектами: такой порядок поддерживается принятыми в обществе правилами, различающими “приемлемое” и “неприемлемое” поведение» (Гладарев 2011). Публичная сфера требует компромисса и толерантности, и по крайней мере вежливости в коммуникативной ситуации, что не всегда встречается в современной России. Противоположные мнения и поведение могут быть строго отвергнуты, тогда как «симпатичные» провозглашаются единственно возможными. Общественной дискуссии не хватает «вежливой» середины.

Артемий Магун в своей статье «Негативность коммунизма», между тем, видит специфику советской модели публичного пространства как «пространства анархической свободы и полного отчуждения, которое обеспечило неапроприруемость совместного пространства» (Magun 2011). Но людей вынуждали существовать в этом нерегламентированном совместном пространстве: в переполненных коммунальных квартирах, где ломаются границы приватного/публичного, на бессмысленных митингах и других публичных собраниях. Все это привело к специфическому режиму публичности, который все еще влияет на публичную культуру пост-социалистического периода:

Безразличие и агрессия на российских улицах и в многоэтажках говорят о том, что российские горожане принимают других людей как данное, как некий фон. Это полная противоположность обычному западноевропейскому поведению незнакомых людей, когда встреча производит шок и удивление, а преувеличенные ритуалы вежливости скрывают смущение от самого столкновения с Другим (Magun 2011).

Хотя статьи Гладарева и Магуна представляют различное видение публичного пространства (как вовсе отсутствующего и как пустого), их роднит понимание, что социалистический (и пост-социалистический) режим публичности не дает полноценной открытости и взаимного признания. И хотя сложно найти среди академической литературы тексты, не критикующие состояние публичного пространства в любой точке мира, пост-социалистический анализ показывает особый вид отклонения от идеала открытости, равного доступа и среды, свободной для дискуссий и споров, — всего того, что считается всеобщим «идеалом» публичного пространства.

Ситуация, которую описывает Борис Гладарев, указывает на сложность вербальной коммуникации в *публичной сфере*, сфере обмена и формирования мнений, позиций и идей. Это также релевантно и *городскому публичному пространству*, где должны быть учтены потребности другого, где гражданам необходимо освоить навыки вежливости и компромисса (Zhel'nina 2011), но это «обучение» может столкнуться с определенными препятствиями со стороны консервативного государства.

Официальный дискурс стремится избегать понятия «публичное пространство» или преподносить его как пространство, требующее контроля. Например, в официальных документах (таких, как Стратегический план Санкт-Петербурга) термин «публичное пространство» заменен на нейтральный термин «открытое городское пространство», который содержит меньше социальных коннотаций, так как слово «открытое» отсылает скорее к пространству без крыши, чем к пространству социальной активности. Такая интерпретация городского пространства связана не только с возможностью протестов в парках и на улицах, но и с самим присутствием горожан в них. Дискуссия о том, чем должны быть публичные пространства в Санкт-Петербурге велась еще до того, как эти пространства не заняли политические демонстрации. На этой ранней стадии дискуссия была сосредоточена скорее на правилах поведения на публике, на том, какие действия представляются допустимыми или нежелательными в публичных пространствах. С одной стороны, площади и парки в хорошую погоду переполнены людьми, которые лежат на траве, едят и общаются; с другой стороны, этот образ недопустим как для городских властей, так и для некоторых горожан, особенно если речь идет об историческом центре российской «культурной столицы» (неофициального названия Санкт-Петербурга). Эти дискуссии показывают, с какими трудностями сталкивается режим публичного, когда правила и приемлемое поведение не установлены.

Дебат об «открытом пространстве» демонстрирует конфликт между старой концепцией и новым видением городского пространства, которое только зарождается в современной России. Согласно старой, официальной концепции, открытое городское пространство — это картинка с открытки, которая показывает не жизнь города и его людей, а официальный и «приятный» образ. Это тесно связано с советской идеей открытого городского пространства как площадки для официальных митингов и демонстраций, организованных Коммунистической партией; пространства, которое находится под постоянным контролем властей и не «принадлежит» городским жителям. Концепция, возникшая в последнее десятилетие, соотносится с гуманистической идеей «города для людей». Хотя это и не называется «публичным пространством», идея публичных пространств для взаимодействия иногда все же появляется в медиа и зачастую исходит от самих горо-

жан. Последний виток развития можно рассматривать и как процесс «европеизации» или «вестернизации», так как появилось множество низовых инициатив, направленных на улучшение публичного пространства. Эти инициативы вдохновляются схожими проектами, реализованными в европейских и американских городах. Протесты 2011–2012 годов оказали большое влияние на развитие новых интерпретаций «публичного» и «городского публичного пространства» и на появление этих терминов в дискурсе. «Пост-протестное» понимание городского публичного пространства в российских медиа близко к тому пониманию, которое принято в дискуссиях в разных странах, а Запад часто приводится в качестве примера (точнее, то, как организовано пространство в западных городах): здесь я, в первую очередь, имею ввиду идею о том, что открытые пространства могут быть доступны для людей, о том, что люди могут использовать эти пространства для разного рода деятельности, в том числе как возможность смотреть на других людей и быть ими увиденными.

Сложное деление на общественное и личное, описанное выше, может помочь объяснить, почему постсоциалистические протесты так одержимы захватом символически нагруженных центральных частей города: именно эти пространства ассоциируются с государственной властью, которую необходимо оккупировать для того, чтобы вернуть горожанам политическую власть. Открытое городское пространство, лишённое публичной жизни как таковой, нуждается в наполнении другим смысловым содержанием и альтернативными практиками гражданского участия в политической жизни: и уличные протесты, и непосредственная трансформация пространства, (к этому мы вернемся позже) — все служит этой цели. Не секрет, что публичные пространства зачастую находятся в ведении местной администрации, или, как в городах Европы и Северной Америки, такие пространства находятся в ведении частных собственников. Однако, в целом, эти пространства, занятые горожанами, не становятся проблемой для демократических режимов, и различные группы активистов могут постепенно захватывать пространство или использовать его. Однако в российских городах появление горожан в открытых пространствах интерпретируется властями как вызов. Движение «Occupy Wall Street» захватывало «приватизированное публичное пространство» Зуккотти-парка, провоцируя дискуссию о приватизации городских пространств как следствии неолиберальной политики городского развития. Причина конфликтов, развернувшихся вокруг публичных пространств в российских городах во время протестов, связана с местным контекстом: хотя в России публичные пространства не могут стать частной собственностью, в действительности они присваиваются городскими администрациями, поэтому попытки граждан занять эти пространства интерпретировались как вызов на том же уровне.

Далее проанализирую, как городские пространства Санкт-Петербурга оказались «присвоены городскими властями» и какие конкретно политические и социальные события послужили этому причиной.

Контекст изменений в Санкт-Петербурге: Европеизация

Постсоветская эпоха в истории Санкт-Петербурга, как и в случае с другими российскими пост-советскими городами, должна была породить новую стратегию в системе управления. Новые правила регистрации в местах пребывания отменили систему «прописки»: систему, которая прикрепляла людей к одному месту жительства и делала невозможным свободное передвижение и миграцию по стране. Новый закон 1993 года «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1) способствовал росту миграционных потоков, которые меняли состав населения в больших городах. Это сопровождалось усугублением социальных проблем: безработицы, падению уровня жизни, маргинализации населения — все это было симптомами общего кризиса индустриальной системы и системы занятости.

Начало 1990-х в Санкт-Петербурге можно охарактеризовать как попытку одной части администрации справиться с этими проблемами, общими для системы: в числе их решений — приватизация, поиск стратегических партнеров и ресурсов для пополнения городского бюджета. Политика первого мэра Санкт-Петербурга, Анатолия Собчака, который находился на этом посту с 1991 по 1996 год, была ориентирована на включение города в интернациональную бизнес-сеть для того, чтобы обеспечить финансовую независимость города от федерального центра.

После отмены системы централизованного планирования, ядра плановой экономики, национальное правительство потеряло свои позиции единственной инстанции принятия решений в сфере городского развития. Важная черта этого периода — появление новой фигуры, инвестора. Большие финансовые группы из различных сфер бизнеса, которые были готовы инвестировать в развитие городских территорий, вкладывая капиталы в отдельные районы, приобретали значительное влияние на ландшафт Санкт-Петербурга. Проблема приватизации публичных пространств появляется в постсоветском городе впервые: центр Санкт-Петербурга, долгое время «ничейная земля», прекрасный эстетический «вид», становится гигантским неконтролируемым рынком — множество киосков, маленьких магазинов, и уличная торговля занимают все свободное место. Подобную

приватизацию можно было бы рассматривать с точки зрения сокращения публичного пространства в капиталистическом городе (Stanilov 2007a: 272). Однако к Ленинграду/Санкт-Петербургу эта логика не вполне применима: здесь не существовало публичных пространств в смысле живых интерактивных пространств в центральных парках и на улицах, пространство не использовалось как действительно публичное, а только изображалось и интерпретировалось как общий символ. В 1990-х люди хотя бы стали использовать его — принимая участие в розничной торговле и сопутствующих процессах.

1990-е стали символом беспорядочности и хаоса по сравнению с контролем и порядком прошлого: состояние городских пространств визуально отражало этот беспорядок (теневая торговля в публичных пространствах, ветшающие здания, коллапс системы общественного транспорта). Попытки цивилизовать и очистить городское пространство в конце 1990-х встретили одобрение у многих горожан.

Можно сказать, что в конце 1990 — начале 2000-х годов были предприняты первые попытки централизованно создать публичные пространства, хотя эти попытки и не были полностью последовательными и продуманными. Это было результатом реконструкции и преобразования центральных пространств и строительных работ в ходе подготовки к 300-летию основания города в период правления Владимира Яковлева (1996–2003 годы). Реконструкция и создание пешеходных зон, публичных пространств — все это было частью «европеизации» города и находилось в плане экономической стратегии и новой идеологии городского пространства, в соответствии с которой город должен был быть преобразован на рубеже веков.

К концу 1990-х городская инфраструктура находилась в очень плачевном состоянии: транспорт, жилищное строительство находились в состоянии коллапса, а исторический центр города, включенный в список всемирного наследия ЮНЕСКО в 1991 году, приходил в полный упадок и постепенно терял вид «с открытки». Нужно обратить внимание на то, что городская экономика и службы стали частью предвыборной программы Владимира Яковлева, который стал губернатором, потому что подчеркивал свою заинтересованность в «рутинной работе по улучшению города»⁴. Улучшение («благоустройство») всего городского пространства преподносилось как основная черта правления Яковлева. В 1996–1997 годах был разработан стратегический план городского развития, который включал в себя основные принципы городской политики (Стратегический план 1998). Среди них — улучшение качества жизни, а также задача сделать город привлекательным для инвесторов.

---

⁴ «Вопрос недели: Почему проиграл Анатолий Собчак?», *Коммерсант*, 11 июня, 1996. <http://www.kommersant.ru/doc/12575>.

Привлечение инвесторов казалось ключевым условием для перехода Санкт-Петербурга на стабильный, устойчивый путь развития. Чтобы достигнуть этой цели, была создана «благоприятная экономическая ситуация», городское пространство необходимо было довести до основных стандартов, улучшить инфраструктуру и сделать рынок недвижимости простым и доступным для потенциальных инвесторов. В целом, конец 1990-х характеризуется реализацией больших проектов в сфере улучшения городской инфраструктуры.

Наиболее активные преобразования были проведены до 300-летия Санкт-Петербурга; и это обстоятельство действительно стало переломным моментом для города. Официально приготвления к юбилею начались в 1999 году, и в течение нескольких лет было выполнено много больших проектов по реконструкции, а также начато новое строительство. Создание нового облика Санкт-Петербурга сопровождалось реконструкцией физического пространства. Работа над образом города — «самым европейским городом России» как «культурной столицы» — была частью рекламной кампании, нацеленной на привлечение иностранных инвестиций в город, и реализацией «продвижения города на международный уровень», сформулированной Стратегическим планом (Стратегический план 1998: 73).

Подготовка к празднованию финансировалась из федерального бюджета. 300-летний юбилей Санкт-Петербурга преподносился как событие международного уровня. Наиболее масштабные проекты, реализованные в рамках подготовки к юбилею: модернизация аэропорта «Пулково», постройка Ладожского вокзала, реставрация основных достопримечательностей города, модернизация дорог и транспортной системы (строительство кольцевой автодороги и т. д.). Также были благоустроены открытые городские пространства, проведена реконструкция парков, улиц, скверов и дворов.

Реконструкция физического пространства сопровождалась работой над новым обликом города, и концепция городской «европейскости» должна была стать отличительной чертой Санкт-Петербурга, выделяющей его на фоне других российских городов. Включение Санкт-Петербурга в европейский контекст — как часть Стратегического плана — было ориентиром для городской стратегии, в первую очередь, это означало интеграцию Санкт-Петербурга в европейскую экономику, что сделало бы его ключевым узлом международной торговли между Россией и ЕС (Стратегический план 1998: 46–48).

Однако «европейскость» Санкт-Петербурга — это не только экономическая стратегия: это также основа повседневной жизни горожан. Следующий губернатор Санкт-Петербурга, Валентина Матвиенко, в своей предвыборной речи ссылалась на идею сделать Санкт-Петербург городом с «европейскими стандартами жизни». Эту идею также включили в Генеральный план города (принят — 2005, поправки — 2008):

В основе градостроительных преобразований, намечаемых Концепцией Генерального плана, лежит идея «открытого европейского города». Санкт-Петербург должен занять достойное место среди крупнейших европейских городов. Новый Генеральный план Санкт-Петербурга ориентирован на достижение европейских стандартов качества жизни и комфортности городской среды⁵.

Идею Санкт-Петербурга как европейского города разделяют и власти и жители. Концепция «культурной столицы» подразумевала «разработку позитивного образа города, привлечение туристов, а 300-летний юбилей как возможность получить пожертвования и кредиты из федерального центра и из заграницы» (Чуйкина 2003: 61). Более того, «европейскость» становится стандартом для сравнения с реалиями пост-советского Санкт-Петербурга: «Европа» невидимо присутствует везде, где идет речь о городских трансформациях. Часто используемое слово «благоустройство», также как и инновации в городском планировании — пешеходные улицы, шарообразные фонтаны, современная скульптура — напоминали людям о «европейском стандарте» (Чуйкина 2003: 61). Однако европейскость Санкт-Петербурга была наносной, или, как, метафорически выразился Аркадий Ипполитов, это была «Европа на bullshit'e» (Ипполитов 2007). Эти изменения не включали в себя меры по продвижению спонтанных и дискуссионных публичных пространств, того, что для стран Евросоюза является как минимум стратегическим идеалом.

Важно подчеркнуть, что «европейский» образ, сформированный в российском дискурсе, — это некий идеал, который, по всей видимости, никогда не существовал в европейских городах. Совсем недавние международные дебаты о дружелюбных, доступных и открытых городах, набирают популярность в России, и для некоторых групп эта новая идеология идет рука об руку с концепцией европеизации. В некотором смысле, проблемы, с которыми сталкиваются российские города, очень похожи на неолиберальные перемены в городах Запада — приватизация и коммерциализация публичных пространств, пренебрежение интересами сообщества и соседства в пользу интересов застройщиков и большого бизнеса. Неолиберализм как вызов городам западного мира давно уже вынесен на повестку дня в академическом мире (Brenner, Theodore 2002; Leitner, Peck 2007), тогда как в большинстве российских дискуссий не он воспринимается как причина этих трансформаций.

---

⁵ Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 07.05.2001 № 21 «О Концепции генерального плана сохранения и развития исторического центра Санкт-Петербурга и его пригородов, включая дворцовые комплексы». <http://www.lawmix.ru/spblaw/1326>.

Общество vs Открытое пространство

Развитие публичных пространств в Санкт-Петербурге — хороший пример несоответствия между «европейским обликом» города с одной стороны и меняющийся интерпретацией публичного пространства с другой. Как упоминалось выше, в Ленинграде советского периода пространство было разделено на две части — официальный «облик» и повседневную жизнь в жилых кварталах. Эта ситуация изменилась в результате упомянутой политики «европеизации» и общей логики развития пост-советских городов, но советское и обновленное («европеизированное») видение сосуществуют в современном дискурсе и в самих публичных пространствах, свидетельствуя о конфликте меняющихся идентичностей.

Как я уже писала выше, понятие публичного зачастую замещается понятием «открытое пространство». Понятие городского публичного пространства в Санкт-Петербурге упоминается и описывается в 11 главе Указа Правительства Санкт-Петербурга № 1681 «О стратегии Санкт-Петербурга в отношении культурного наследия». Этот документ содержит два разных подхода к городскому пространству: во-первых, идеи публичного пространства как важной коммуникативной части городской среды, которая играет важную роль в построении идентичности городских жителей; во-вторых, идею открытых пространств наподобие «музея под открытым небом», к которой нужно относиться с большим вниманием: «благоустройство открытых пространств, музеификация археологических объектов и небольшие архитектурные формы улучшают качество жизни города в целом». С другой стороны:

...они играют ключевую роль в удовлетворении потребностей в отдыхе и развлечениях городского сообщества, они важны для социального взаимодействия. Открытые пространства отражают коллективную жизнь города; они являются своеобразной общественной гостиной Санкт-Петербурга. У них есть коммерческая стоимость, и они помогают восстановить экономику не только создавая рабочие места, но и повышая привлекательность города для бизнес-инвестиций и жизни⁶.

Логика этого документа достаточно противоречива: идея коллективного повседневного использования открытых пространств и идея музеификации на практике трудно совместимы. Сам факт

---

⁶ «Правительство Санкт-Петербурга. Постановление от 1 ноября 2005 года № 1681. О Петербургской стратегии сохранения культурного наследия». http://old.gov.spb.ru/gov/admin/otrasl/c_govcontrol/proekt.

того, что термин «открытое городское пространство», с указанием его социального значения, включен в документ, посвященный стратегии сохранения культурного наследия, показывает, что восприятие этих пространств, умообраз, «облик» преобладает для правительства Санкт-Петербурга над идеей пространства социальной коммуникации. Термин «гостиная» (который фигурирует в тексте выше) также подразумевает место, которое необходимо содержать в порядке, чтобы показывать его гостям, а не место, предназначенное для повседневного использования. Что примечательно: метафора интерьера говорит о том, что это пространство частное, внутреннее, а не открытое.

Во время подготовки к празднованию 300-летнего юбилея, открытые пространства города привлекли к себе внимание администрации: улучшение качества городской среды подразумевало создание открытых пространств в духе «европейских традиций». Согласно программе, в историческом центре города и его окрестностях должны были появиться пешеходные зоны, и они действительно появились в некоторых местах. Тем не менее, программа в целом не была выполнена, потому что в городе с высокой плотностью автомобильного движения улица, закрытая для автомобилей, создает практические проблемы. Другой аргумент против этой программы — стоимость расходов на содержание таких улиц, которая должна было покрываться городским бюджетом. В результате, обустройство публичных мест Санкт-Петербурга не продвинулось дальше проектирования пешеходных улиц (например, Малая Конюшенная, Малая Садовая и другие улицы). Общие публичные пространства в Санкт-Петербурге представляются скорее эстетической и визуальной концепцией, нежели функциональной ориентацией на интерактивную и комфортную среду.

Цивилизованность и «европейскость»: Социальные интерпретации публичных пространств

Таким образом, «европеизация» открытых городских пространств шла не без последовательности в политике. После празднования 300-летия города и демонстрации обновленного Санкт-Петербурга международной и российской публике, не все «европеизированные» публичные пространства сохранили свой публичный характер. Спустя некоторое время после празднеств некоторые «благоустроенные» публичные парки были закрыты от публики: таким образом было дешевле и удобнее сохранять их «в порядке». Есть только несколько примеров таких мест, но в целом конфликт между двумя разными представлениями — «города-музея» и города для людей — является

характерной чертой современного Санкт-Петербурга. Открытые пространства, то, как они обустроены и как они используются, зачастую являются предметом дискуссий, сталкивающих различные точки зрения на то, каким должен быть Санкт-Петербург: городом-музеем или городом для людей. Первая напоминает нам о советской модели, согласно которой открытые пространства в центре города — визуальный символ, вторая же акцентирует использование открытых пространств для взаимодействия и досуга.

Можно проиллюстрировать эти две точки зрения примером дискуссии, развернувшейся вокруг реконструкции публичного сада в самом центре города — напротив Казанского собора на Невском проспекте. В этом маленьком саду есть газоны, фонтан, скамейки, кустарники и клумбы, и он был обустроен специально к 300-летию города, но вскоре после завершения празднований был закрыт и огорожен. Забор убрали только в 2007 году, после жалоб городских жителей. Однако в 2009 году сад снова обнесли оградой — из-за того, что люди лежали на траве и ходили по ней, тем самым портя газон. Основными противниками противники такого использования пространства были представители РПЦ, собственники собора, не одобряющие присутствие «неподобающе ведущих себя людей» в непосредственной близости от собора⁷. Такая позиция получила поддержку у многих горожан, для которых раскованное поведение в публичных местах противоречит образу Санкт-Петербурга как города-музея. Сторонники этой позиции обращаются к «музейному» образу города и протестуют против нарушения правил «общественной собственности», ограничений на ее использование. Согласно этим ограничениям, лежать на траве, есть и пить, целоваться и обниматься на публике — вызывающее поведение. Важно подчеркнуть, что выразителями этого мнения не обязательно являются религиозные люди; основной протест исходит не от религиозных норм, он скорее происходит от специфического представления о том, как следует вести себя на публике, о том, что приватные действия недопустимы в публичных местах — все это может испортить «открытку», и величие «парадного» Санкт-Петербурга.

Интересная дискуссия вокруг закрытия публичного сада развернулась среди блоггеров в сообществе «Живого журнала» (платформы, очень популярной в России)⁸. Отдыхающие люди в городском пейзаже очень раздражают некоторых городских жителей: «Лучше уж чугунный метровый забор, чем это мясо».

⁷ «Чтобы сохранить сквер у Казанского собора, его решили закрыть», *Gazeta.SPb*, 29 мая, 2008. <http://www.gazeta.spb.ru/49923-0/>.

⁸ 7lifes, «Сквер у Казанского сегодня начнут огораживать», 9 июня, 2009. <http://spb-ru.livejournal.com/3367812.html>.

Объясняя свое недовольство, протестующие против такого рода использования городских садов и газонов апеллировали к понятию «цивилизации»: «Те, кто цивилизован, — они по-любому валяться возле проспекта и сосать пиво не будут».

Противоположная точка зрения — защитить право горожан отдыхать на свежем воздухе — отсылает к образу «европейского города», т. е. утверждает, что во всех европейских городах люди лежат на траве в зеленых зонах города. Поэтому, если Санкт-Петербург — это европейский город, то публичные пространства должны быть в свободном пользовании горожан. Противники закрытия сада часто используют сравнение с европейскими и североамериканскими городами:

Санкт-Петербург — это же окно в Европу. И отдыхающие на траве люди — это вполне обычный европейский сюжет.

Люди хотят жить нормально, уровень жизни немного повышается и они знакомятся с тем, как все устроено на Западе, понятное дело, что хочется, чтобы и на родине все было так же хорошо.

Так, европейский образ Санкт-Петербурга распространяется через медиа-дискурс и восприятие людей, но идея «европейскости» может пониматься по-разному среди городских жителей.

Для тех, кто поддерживал закрытие сада, «европейскость» и «цивилизация» означают неподобающее поведение в общественных местах. Жителей Санкт-Петербурга обвиняют в том, что они не могут вести себя «цивилизованно», поэтому, с этой точки зрения, требуются формальные ограничения и регламент доступа.

Хотелось бы, чтоб люди сами дошли до того, что конкретно на таком, русском, газоне валяться нельзя. Чтоб не причиняли больше ущерба, чем обычная эксплуатация. Но у нас почему-то хоть здесь все и сознательные личности, кто-то сейчас потребительски и хулигански относится к общественным местам. И, видимо, это никак не изменить, потому что хоть вы здесь все и нормальные люди, быдла все равно больше.

Личные качества и поведение тех, кто использует публичные пространства, внешний облик, который они создают, противоречит образу «культурной столицы» и «русской европейскости». Те, кто придерживаются этой точки зрения, предпочитают образ «парадного» Санкт-Петербурга, отчужденного официального города, который можно наблюдать только со стороны, но не использовать его: «Многим будет приятнее видеть зеленый газон, пусть и за забором, чем загаженное место тусовки, пусть и в “лучших традициях европейских стран”».

Конфликт этих разных образов города на примере одного публичного места — это главное противоречие постсоветского воспри-

ятия Санкт-Петербурга в целом. Одна сторона конфликта ориентирована на «европейский стиль жизни» — активную коммуникацию и само-выражение в публичных местах, и в этом случае приоритетными являются интересы и комфорт горожан. Для другой стороны, открытое публичное пространство — это объект визуального восхищения, репрезентация культурного и исторического наследия города, но не среда обитания. Последнее характерно для консервативного мировоззрения, которое доминирует в современной России и имеет глубокие корни, связанные с советской традицией, с ее разрывом между публичным и частным, с интерпретацией города не как места для жизни, а как декорации и символического пейзажа, воплощения славы и власти государства. Советская концепция публичного пространства («общественное место») исключает возможность слияния общественного и частного и не допускает какого-либо выражения индивидуальности на публике. Вторжение (неприемлемое с советской точки зрения) частного в сферу общественного является причиной протестов горожан против пикников на лужайках в центре города. Но речь идет также о постепенном захвате пространства людьми и практиками, которые «не предназначены» для этого пространства.

Другая особенность — восприятие публичных пространств, как опасных. Довольно распространено мнение о том, что их используют маргиналы: алко- и нарко-зависимые или бездомные. В представлении одного из участников дискуссии, незнакомцы или «Другие» в городском пространстве имеют негативные коннотации (т. е. людей на лужайках напротив Казанского вокзала называют «быдлом»). В отсутствие толерантности к различиям, иные образы жизни в публичных местах автоматически трактуются как чужие и враждебные.

Острота противоречия между разными интерпретациями открытых городских пространств и стилей поведения в этих пространствах в каком-то смысле связана с новизной этого формата пространства как такового: пешеходные улицы — это новое явление для постсоветского города. Оно формирует и новые способы нахождения и коммуникации в пространстве: важно наблюдать за людьми, а не просто проходить мимо. Этот тип поведения постепенно распространяется и в других подходящих местах — садах, лужайках и на набережных. Однако новизна такого использования пространства вызывает неприятие со стороны некоторых горожан. Другая же часть населения приспосабливается к новым пространствам и моделям поведения в городе, осваивая новый, «европейский» облик города.

Пространственное измерение протестов

Думские выборы 4 декабря 2011 года спровоцировали интенсивное развитие публичной жизни в российских городах, прежде всего, в Москве. Опыт волны городских протестных акций в Санкт-

Петербурге и многих других городах был иного рода. Пространственная структура протестов — интересный предмет для анализа.

Трудности, с которыми столкнулись протестующие, пытавшиеся выразить свое недовольство, собираясь на центральных городских площадках, спровоцировали рост интереса и обсуждений проблемы публичного пространства в городах. И хотя связь между дискуссией о публичных пространствах в постсоветском городе, описанная выше, и недавними протестами не кажется очевидной, она все же существует. После протестов в СМИ появилось несколько важных статей о «Городах и протесте», «Городской революции в России» так же о «Праве на город» (Трубина 2012; Куренной 2012; Желнина и др. 2012). Также стоит отметить общий интерес к городским исследованиям: резко возрос спрос на урбанистов, к которым обращались за экспертным мнением различные медиа. Понятие «публичное пространство» стали больше использоваться в медиа и социальных сетях при обсуждении проблем неравенства и политической борьбы.

Протестующие устраивали публичные собрания на центральных площадях города, не «присвоенных» администрацией. Аресты и суды над активистами, которых обвиняли в участии в «несанкционированных» публичных мероприятиях, послужили толчком для активной дискуссии о праве горожан использовать пространство города, а также о публичной жизни в целом.

Медиа и блоггеры утверждали, что городские жители не имеют свободного доступа к городским площадям, поэтому право горожан на публичное самовыражение ограничено⁹. В ходе дискуссии о публичных местах в российских городах был поднят вопрос о приоритетах использования городского пространства: выражение воли горожан или «рутинные практики» (выход на улицу, шоппинг, прогулки по городу), которые могут быть несовместимы с протестными акциями. Другой предмет дискуссии — «отсутствие» мест, пригодных для больших собраний людей. Переговоры между организаторами протестных митингов и городскими властями о месте проведения акций всегда сопровождались конфликтами и взаимными обвинениями: протестующие пытались занять символически важные центральные

---

⁹ См., напр.: «Город и политика. Как митинги и протесты меняют общественные пространства Москвы», *Afisha.ru*, 29 мая, 2012. <http://gorod.afisha.ru/archive/kak-mitingi-i-protesti-menyajut-obshhestvennie-prostranstva>; Vg_saveliev, «Уличные протестные акции — попытки людей вернуть себе города», 13 ноября, 2012. <http://vg-saveliev.livejournal.com/548964.html>; и высказывание Бориса Акунина (Акунин 2012). Медиа и записи из блогов, используемые для анализа, были собраны в ходе мониторинга периодических медиа в 2012 году, с использованием «интегрума» базы данных для печатных и электронных СМИ, а также сервис для блогов Yandex.

площади городов (особенно в Москве и Санкт-Петербурге), тогда как власти не одобряли митинги в самом центре города и старались оттеснить их на символические окраины городского пространства — чтобы сделать акции менее заметными и доступными. В тех случаях, когда жители не подчинялись и все же собирались в публичных местах, которые выбрали сами, полиция начинала арестовывать участников.

Важны не только дискуссия и дискурсы о публичном пространстве, которые возникли во время протестов, но и практики работы с пространством на протестах. Часть горожан, не согласных с победой Единой России, впервые участвовали в спонтанных маршах и собраниях на центральных площадках города. Эмоциональное возмущение привело москвичей на Чистопрудный бульвар, а петербуржцев — к Гостиному двору. В случае Санкт-Петербурга место было выбрано не случайно — именно здесь проходили первые акции Стратегии 31, несогласованные протесты, которые проходят каждое 31 числа месяца в защиту права граждан на свободные собрания, закрепленного конституцией. Можно предположить, что благодаря Стратегии 31 и более ранним событиям, за этим местом закрепился статус протестного, поэтому в каком-то смысле для нового протестного движения это был естественный выбор. Собрания людей в Санкт-Петербурге проходили без лидеров и были результатом коммуникации через социальные сети, тогда как в Москве протестующим было на кого прийти посмотреть — например, Алексей Навальный приглашал людей присоединиться к нему на Чистых Прудах¹⁰.

В дальнейшем, перемещения и динамика стали важной чертой уличных акций: протестующие вновь открыли для себя марши, прогулки, временные оккупации. Алексей Левинсон отметил интересный факт, что поведение протестующих в пространстве имеет «циркулярный» характер: они используют круговые пути и бульвары, бегая вокруг Кремля, символически окружая этот центр власти (Левинсон 2012). В Санкт-Петербурге ни движение лидеров протеста, ни какое-либо «логово» режима нельзя изобразить в виде какой-либо окружности. Структура города представляет собой сетку, а не круг, в результате чего протестующие могут передвигаться только из точки «А» в точку «Б». Тем не менее, протесты в Санкт-Петербурге имели некоторое сходство с модными московскими изобретениями наподобие движения «Оссиру», хотя и в меньшем масштабе и с существенными пространственными ограничениями.

Протесты включали в себя большие митинги (на проспекте им. Сахарова, на Болотной площади в Москве) и два, теперь уже привыч-

---

¹⁰ Navalny, «Митинг на Чистых прудах. Сегодня. 19–00». 5 декабря, 2011. <http://navalny.livejournal.com/656297.html>.

ных типа протестных практик — подсчеты и уличные дискуссии на открытом пространстве. Количество людей, участвовавших в протестных митингах, изначально оспаривалось: данные в официальных полицейских сводках были в разы меньше, чем подсчеты оппозиции¹¹. Изобретались специфические практики подсчета (измерение пространства шагами, использование спутниковых снимков), поставив пространственное измерение протестов в центр дискуссии. Смысл сделок с властями был в том, чтобы получить наиболее символически важные и локализованные в центре места для протестных митингов: государство пыталось избежать этого всеми доступными средствами, чему также способствовали ссоры между лидерами оппозиции, которые не могли прийти к согласию по вопросам необходимости санкционирования акций и конкретных мест их проведения¹².

Такими же важными, как и сами митинги, были новые пространственные и коммуникативные формы, порожденные этими протестами, и именно эти формы стали настоящим символом самих протестов. В первую очередь, речь идет об «Оккупай Абай», «Контрольной прогулке» с писателями и «Белом кольце». Последние две инициативы имели место только в Москве, а «Оккупай» проходил и в Санкт-Петербурге (на Исаакиевской площади и в некоторых других местах, которые менялись по мере того, как в них поочередно входила полиция).

«Оккупай Абай» стал важным этапом развития протестов в мае 2012 года после инаугурации «вновь избранного» президента Владимира Путина. Этот виток способствовал более интенсивному развитию участия и политизации протестующих: здесь, в отличие от митингов, была создана открытая интерактивная среда, как некая альтернатива. Заняв пространство на Чистопрудном бульваре рядом с памятником казахскому поэту Абаю Кунанбаеву, протестующие организовывали дискуссии, семинары, театральные представления и, вместе с тем, самостоятельно поддерживали порядок в этом общем пространстве (активисты заботливо обустроили кухню и туалеты). Все это было непривычно, и для некоторых активистов это был пер-

---

¹¹ Юлия Котова, «Оппозиция и полиция разошлись в подсчетах участников митинга на Новом Арбате», *Ведомости*, 10 марта, 2012. http://www.vedomosti.ru/politics/news/1530732/oppoziciya_i_policiya_razoshlis_v_podschetah_uchastnikov; Анастасия Родионова, «Тест на протест», *Московский комсомолец*, 11 марта, 2012. <http://www.mk.ru/politics/article/2012/03/10/679875-test-na-protest.html>; «Митинг протеста на Новом Арбате. Хроника событий (фото)», *Росбалт*, 10 марта, 2012. <http://www.rosbalt.ru/moscow/2012/03/10/954531.html>.

¹² «У организаторов митинга 10 декабря раскол и паника», *PolitOnline*, 9 декабря, 2011. <http://www.politonline.ru/comments/9980.html>.

вый эмоциональный и интеллектуальный опыт гражданского участия. Лагерь «Оккупай Абай» просуществовал всего лишь неделю и был разогнан полицией после того, как суд поддержал «жалобы местных жителей». Протестующие перемещаются в другую часть города (недалеко от метро Баррикадная), а затем в еще одно место (Старый Арбат), но уже не могут поставить и обустроить новый лагерь.

Лагерь «Оккупай» в Санкт-Петербурге разбили на Исакиевской площади, где он смог находиться гораздо дольше, чем в Москве. В отличие от «Оккупай Абай», протестующие использовали местные скамейки для сиденья и не занимались инфраструктурой (кухнями, туалетами, спальными местами). Можно предположить, что подвижность и отсутствие сравнительно стабильной структуры позволила лагерю «Оккупай–Исакиевская» просуществовать дольше. Лагеря «Абай» и «Исакиевская» посещали местные активисты и оппозиционные политики, но известных персон в Москве было больше.

Общую атмосферу на Исакиевской неплохо описал один из блоггеров сайта радиостанции «Эхо Москвы» (он использовал те же эпитеты, что и многочисленные комментаторы в медиа и социальных сетях):

Народ делает свои листовки и стикеры, значки и футболки <...> в лагере весело, интересно, креативно <...> в протесте принимают участие люди разных возрастов: и студенты, и средних лет, и пожилые люди, все доброжелательны, приветливы и открыты для общения <...> в основном, конечно, молодые, современные, энергичные, смелые люди¹⁵.

Творчество и молодость протестующих людей стали основными чертами, о которых говорили медиа, сочувствующие протестам. Хотя идея «креативного класса» как движущей силы протеста была не более чем журналистским клише. Социологические опросы, однако, демонстрируют примечательную тенденцию: участие молодых и образованных становилось все более устойчивым: как показывают цифры ВЦИОМа, с начала протестов количество молодых служащих и «креативных» работников, студентов — 30 %, а к концу (в июне 2012) их число достигло 50 %¹⁴. Более того, нельзя отрицать, что креативность и инновационный характер всей протестной активности должны были реализовываться в условиях репрессии и относительно ограниченных ресурсов.

---

¹⁵ na6ludatelb, «Протестный лагерь — Окупай#Исакиевская», Радио Эхо Москвы, 19 июня, 2012. <http://www.echo.msk.ru/blog/na6ludatelb/900510-echo>.

¹⁴ «Пресс-выпуск № 2056. Социальный портрет протестного движения в Москве», ВЦИОМ. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112859>.

Помимо того что в протесте было много творческих действий, движение поддерживали представители культурной элиты, и они внесли определенный вклад в изобретение новой пространственной формы протеста: «контрольные прогулки» с писателями под предводительством Бориса Акунина и Дмитрия Быкова в компании с Людмилой Улицкой (13 мая 2012 года) — это интересно с точки зрения эксперимента и преодоления ограничений использования публичных пространств со стороны властей. Эти акции не позиционировались как протестные митинги, но были своего рода экскурсией с целью «понять, могут ли москвичи свободно прогуливаться по своему городу, или они должны получить на это особое разрешение?» (Акунин 2012). В действительности в «прогулке» участвовали тысячи людей, которые шли по Чистым Прудам, не участвуя официально в протестной акции, таким образом, не нуждаясь в согласовании. Это было очень важное событие, так как при этом удалось сделать три важных высказывания: публичность пространства оспаривается авторитарным режимом, публичное пространство все еще принадлежит городским жителям, законодательные ограничения на использование публичного пространства можно обойти и преодолеть.

Другая пространственная форма протеста, изобретенная в этот период, использовала динамику и текучесть, равно как и зазоры в нормах контроля над публичным пространством. Акция «Белое кольцо», инициированная автомобилистами, — оригинальная находка, позволяющая оценить численность протеста и его мощность, не оставаясь в одном конкретном месте. Автомобилисты украсили свои машины различными белыми символами и начали движение по московской кольцевой дороге, таким образом окружая центр. Пешеходы подключились к акции, встав вдоль дороги, взявшись за руки и приветствуя водителей.

Все инициативы, о которых мы говорили выше, имеют схожую динамику, трудно идентифицируемые властями формы, обходят ограничения, наложенные на использование городского публичного пространства режимом, и захватывают лакуны в высокой степени регулируемых публичных пространств. Их можно интерпретировать как пространственные тактики в духе де Серто (1998), в противовес стратегиям контроля, характерным для властных субъектов.

И хотя протестное движение не достигло существенных политических результатов, оно оказало определенное влияние на социальную сферу: власти пошли по пути ограничений в управлении публичным пространством, что стало горячей темой дискуссии как в медиа, так и в различных социальных сетях. Прощупав границы и рассматривая публичное пространство как существенную часть протеста, движение пришло к мысли о том, что эта тема является важнейшей в вопросе об общей демократизации режима. Городская проблематика стали общей темой не только в Москве, но везде, где

имело место движение «Оссуру» (Hollis 2013). Таким образом, мы можем подытожить, что опыт пребывания в публичном пространстве, испытание его границ, коммуникация с другими лицом-к-лицу создает стимул для идеологической переинтерпретации и обсуждения городской жизни как таковой и о публичном пространстве в особенности.

В случае с Россией это было весьма своевременно, так как постепенно возрастающий интерес к городским проблемам пережил свой звездный час во время и после «Оккупая».

Креативные способы требовать право на город¹⁵

В предыдущих главах я описывала трансформации дискурса о публичном пространстве, так же как и трансформации в подходе горожан к публичному пространству. Существуют, однако, и прямые способы воздействия на то, чтобы присутствие горожан в городе стало более заметным: различные проекты по улучшению городской жизни, многие из которых исходят именно снизу-вверх. Когда стало понятно, что протестное движение не достигло успеха в изменении политической системы в России, идея «малых дел» стала очень популярной среди молодых участников протестных митингов: они устремились улучшать жизнь в собственных «дворах». Далее я буду оставаться в рамках так называемой «креативной» среды и обращусь к тому, как именно в этой среде развивалась идея преобразования города. То, что движущей силой протеста был «креативный класс», было расхожим мнением — эти люди были вовлечены не в материальное, а в когнитивное производство. Различные социологические исследования опровергали это определение протеста (Бикбов 2011). Однако внимание к публичным пространствам и соответствующим городским проблемам возникло по большей части в среде молодых профессионалов творческих и гуманитарных профессий, вовлеченных

---

¹⁵ «Креативность» — один из наиболее спорных терминов в социальных науках. Применительно к городской трансформации креативность можно интерпретировать как способность групп и индивидов как к производству, осознанию, так и к осуществлению новых идей в городском пространстве (часто используя средства искусства, но не обязательно). Я не использую здесь термин «креативный класс» как теоретический концепт, предполагая, что это — медиа-конструкт, имеющий двусмысленные коннотации в российском дискурсе. «Креативные способы требовать», таким образом, понимаются как такие способы вовлечения производства новых идеи средств искусства для изменения окружающей среды, которые принимаются активистскими коллективами для трансформации городского пространства.

в культурную, образовательную и досуговую индустрии¹⁶. Регулярно проходили встречи тематических дискуссионных клубов и события, в которых преобладали архитекторы и дизайнеры, и привлекалась широкая прослойка «креативной» публики как таковой.

Это действительно лишь один из способов принять участие в преобразовании города, но, тем не менее, интересно проследить, как становилось модным быть активным горожанином и как росла популярность этой моды после спада протестной волны 2011–2012 годов.

Большинство проектов, включающих идею публичного пространства, стартовали в Москве и Санкт-Петербурге. Среди них наиболее популярной и деятельной стала инициатива «Партизанинг» в Москве, которая распространилась и на другие города, включая Санкт-Петербург (репортажи с акций и различные идеи можно найти на веб-сайте <http://partizaning.org/>). Главная идея, стоящая за большинством акций Партизанинга, — это креативное преобразование и переинтерпретация городского пространства, переориентация его на «человека». По большей части акции были художественными и активистскими и не поддерживались никакими правительственными и коммерческими организациями. Очевидно, что такие инициативы — «западный» опыт, переведенный в российский контекст — стремятся «пустить корни» в городах России.

Западные (как европейские, так и американские) арт-проекты представлялись в качестве лучших практик на протяжении многочисленных публичных презентаций, проектов и т. д. под эгидой «Делай Сам», «Do it Yourself» — марафон городских акций, которые проходили в нескольких российских городах¹⁷. Целью марафона было улучшить качество жизни в городах России, сделать их более дружелюбными, комфортными и «ориентированными на людей» пространствами. Большое внимание уделялось в первую очередь всем качествам публичного пространства и публичному участию в процессе его изменения. Цитата ниже показывает, насколько был использован «западный» опыт для акций и активистов:

---

¹⁶ См. напр.: «Аудитория Москва» будет строить публичное пространство», *РИА Новости*, 16 сентября, 2011. http://ria.ru/weekend_art/20110916/438661035.html; Елена Кром, «Общественные пространства в Петербурге: пять типов, три стратегии и одно противоречие», *Петербург 3.0*, 12 июля, 2012. <http://spb30.ru/news/obshhestvennyie-prostranstva-v-peterburge-ryat-tipov-tri-strategii-i-odno-protivorechie>; «Общественные пространства и тематические парки Москвы», *Строительная орбита*, 16 сентября, 2013. <http://www.stroyorbita.ru/index.php/arkhiv/item/1214-obschestvennyie-prostranstva-i-tematicheskie-parki-moskvyi>.

¹⁷ Make Make, «Третий “Делай Сам” финиширует в Санкт-Петербурге», *Partizaning.org*, 1 мая, 2012. <http://partizaning.org/?p=3250>.

Мировая практика последних десятилетий демонстрирует новую модель развития — создание среды для людей силами самих жителей. Лучшие города мира создают условия для экспериментов, объединяют горожан, заинтересованных в преобразовании пространства вокруг себя¹⁸.

Большинство проектов и дискуссий в рамках этой инициативы показывали рост значения термина «публичное пространство». Постсоветское отношение между «публичным» и «частным», о котором говорилось сначала, теперь переинтерпретировано новым, активным обществом — художниками-активистами, так называемым «креативным классом» в целом. Значение приобретает не только то, как выглядит город, какие возможности он дает, но и также более общий вопрос об общественном участии. Наиболее часто упоминались «Партизанинг»¹⁹ и «Делай сам»-марафоном идея партиципаторного планирования и «теория малых дел»: в рамках новых задач и руководствуясь новым подходом к городскому публичному пространству, горожане должны заботиться не только о своем частном мире и личном жилье, но и сделать шаг за пределы своих закрытых миров, заботиться о площадях, дворах и других публичных площадках, делая жизнь в городе и, в результате, во всей стране, более пристойной. Работает ли это в действительности, является спорным вопросом, так как многие проекты художников остаются художественными проектами в рамках художественного сообщества. Например, некоторые проекты сводились к коротким вторжениям в городское пространство, запечатленным на фотографиях для дальнейшего выкладывания в сети. Но намерение спровоцировать взаимодействие в обществе в городских публичных пространствах и по их поводу все же очевидно. Цитата ниже отображает, насколько важным представляется баланс общественного и частного (даже если для этого используется английская калька «публичное» и «приватное» вместо их русского перевода), что действительно важно для общества, а что — нет. Также, речь идет об отношении к «европейскому опыту»:

Паблик-арт в России развивать бессмысленно по двум причинам.

1) В советское время все городское пространство было, в сущности, публичным. После 1991 года его куски быстрым темпом становятся приватными, но регулирующих это дело юридически механизмов либо мало, либо их можно с легкостью обойти. Пока схема перехода

---

¹⁸ Виолетта Рябко, «Гид по марафону городских действий “Делай сам”», *The Village*, 27 апреля, 2012. <http://www.the-village.ru/village/city/chain-reaction/113145-v-nachale-maya-v-peterburge-proydyot-festival-delay-sam>.

публичного в приватное непрозрачна, об арте говорить преждевременно. 2) Почти все проекты в этой сфере демонстративны и пафосны («наконец-то мы тоже занялись тем, что в Европе уже давно есть»)¹⁹.

«Снобистский» и элитистский характер многих проектов, использующих понятие «публичное пространство» иногда является следствием попыток некоторых застройщиков и инвесторов насадить «европейскость» как образ жизни российских городов. Пример подобного подхода — история с островом «Новая Голландия» в центре Санкт-Петербурга.

Новая Голландия — это сезонный и относительно недавний проект. Старый остров открылся для публики благодаря деятельности частного инвестора Романа Абрамовича и его фонда «Ирис». Новая Голландия — остров, искусственно созданный в первой половине XVII века. Для летних проектов остров оборудовали wi-fi, зелеными газонами, открыли различные кафе и небольшие магазины, а на выставочных площадках показывали «современное искусство». Дарья Жукова, глава фонда, говоря об этом проекте, снова использует термин «публичное»:

Мы понимаем всю его значимость для жителей города, и поэтому открытие летней программы станет для нас первым шагом в исследовании возможной целевой аудитории, ее интересов и пожеланий. Прежде всего была поставлена цель сделать остров публичным местом, чтобы каждый мог видеть, что и как здесь будет происходить²⁰.

Это действительно очень важное событие — в город вернулась территория, закрытая от общества очень долгий период. Эта территория всегда имела большое историческое и символическое значение (а так же мистическую ауру). Теперь ее открыли как новое, креативное и «общественное» место. Эта площадка привлекла разнообразную публику — творческую молодежь, пожилых горожан, туристов, постояльцев из близлежащих домов. Полные энтузиазма обзоры множилось в интернете: ниже — цитата из блога молодой девушки, где снова говорится и о «европейскости», и о «публичности» как «норме», что подразумевает отсутствие «неприятных друзей»:

---

¹⁹ Игорь Поносов, «Про “про паблик арт”», *Partizaning.org*, 25 апреля, 2012. <http://partizaning.org/?p=2268>.

²⁰ Артем Игнатьев, «Таинственный остров: карта обновленной “Новой Голландии”», *The Village*, 15 июля, 2011. <http://www.the-village.ru/flows/spb/posts/108253-novaya-gollandiya>.

...видно, какой Питер крутой город (как кем-то когда-то было сказано, более европейский, чем многие европейские города). Люди ТАМ ВНУТРИ потрясные. Какие-то нормальные²¹.

Похожие описания «публичного» можно найти в других отзывах: место становится местом концентрации для определенной социальной прослойки: эти люди могли наконец-то собраться вместе и посмотреть на «людей, таких же, как мы». Это стало возможным благодаря активной рекламе проекта, предлагающей различные виды деятельности, привлекательной для «креативного класса», одна из причин также — довольно строгие меры безопасности на входе: единственный проход на остров был оборудован металлоискателями и внимательной охраной. Установленные правила не позволяли приносить с собой на остров еду и напитки — сумки проверялись охранниками, которые изымали питье и еду, возвращая отобранное только на выходе. Формально, остров открыт для всех посетителей, однако существовал определенный фильтр на «хипстеров», «креативный класс», или тех, кто хотели бы быть на них похожими. В конце концов это стало местом, где собирались люди, придерживающиеся определенного стиля жизни, могущие позволить себе такой уровень потребления (еда в кафе на острове стоила сравнительно дорого), в том числе культурного.

Здесь уместен термин «публичное пространство», и он отсылает к «западу» и расхожим идеям толерантности и различия, но при этом в действительности правила на острове ограничивают это разнообразие — пространство очень социально гомогенно. Это «публичное пространство» для «людей вроде нас», без «быдла» и алкоголиков из соседних дворов. Такое восприятие пространства было очень популярно в дискуссиях в социальных сетях о том, каким должно быть публичное пространство (Facebook и Вконтакте). Одним из аргументов в пользу ограничений и правил на острове было: «если все это не запретить — мы получим драки, хулиганство, потому что наш народ не может просто спокойно сидеть на открытом»²².

Содержание дискуссий в сети транслирует запрос на образованных и «культурных» посетителей «креативных пространств», и стремление отгородиться от «быдла». Таким образом, часть горожан реализует свои желания ценой ограничений собственной свободы — ограничение на вход в Новую Голландию для «Других», или нежелательных жителей города.

---

²¹ backbone_flute, «Итак — это правда!» 17 июля, 2011. <http://backbone-flute.livejournal.com/128797.html>.

²² Backpack full of baby food (we are for the Real public space), Facebook. <https://www.facebook.com/events/222147384496176>.

Какими бы эксклюзивными ни были некоторые проекты, все же очевидно определенное развитие: молодые образованные профессионалы стремятся к творческой жизни в космополитичном обществе и пытаются требовать свое право на город, меняя пространство и модели городской жизни. Факт того, что эти изменения сосредоточены на их собственной социальной прослойке, легко объясним: новый актер городской трансформации возникает вместе со своими представлениями о том, каким должен быть город, и пытается творить пространство вокруг себя, используя доступный инструментарий, например, социальный или креативный капитал.

Выводы: городское публичное пространство после протестов 2011–2012 годов

Открытые пространства Санкт-Петербурга редко воспринимаются жителями города как их собственная территория, которую можно использовать и присваивать. Образ города представляет культурное наследие, исторический ландшафт же, напротив, воспринимается как общее благо и имеет высокую символическую ценность. Глобальные тренды приватизации и коммерциализации публичных пространств заметны также и в Санкт-Петербурге; однако это не то, что формирует восприятие пространства горожанами. Для них вопросы совмещения новых форм использования пространства и наследия города, его «европейскость», являются злободневными.

Тем не менее, публичные пространства существуют, и они возможны благодаря активности людей, даже если они не воспринимаются как ценность или право горожан. Неутихающие дискуссии показывают две разные точки зрения. Первая, «постсоветская» точка зрения не позволяет соединять личное и общественное в открытых пространствах: здесь решающее значение имеет защита символического пространства в Санкт-Петербурге от вторжений повседневности. Во-вторых, возникновение «европеизированной» точки зрения предполагает, что присвоение публичного пространства должно быть правом горожан. Это показывает медленный переход от советской модели двойной жизни города, где общественная и частная жизнь жестко отделены друг от друга, к модели города, в котором публичное пространство используется для повседневных нужд людей.

Примечательно, что такая ситуация несколько отличается от наблюдений, сделанных в городах центральной Европы (Станилов 2007), где характерной чертой перехода к капитализму было уменьшение и разделение публичного пространства. Конечно, в Санкт-Петербурге также наблюдается тенденция к исключению и пространственному отделению различных социальных групп, однако можно сказать, что по сравнению с Ленинградом, где публичные

пространства имели исключительно функциональную роль, и подавлялись контролем со стороны государства, в Санкт-Петербурге формируется новое восприятие и интерпретация городского пространства: городские жители сами приспособляют открытые пространства под себя и заявляют о своих правах на город. Такое присвоение может выражаться по-разному: тусовки на открытом пространстве, организация тематических экскурсий и прогулок, флэш-мобы и т. д. Хотя в последние годы из-за политической ситуации в стране снова становится трудно использовать открытые пространства — публичные собрания и любая активность зачастую расцениваются как угроза и пресекаются полицией.

Однако существует другой важный вопрос, который затрагивался в дискуссии: качество публичной жизни, «нехватка» городских пространств для личного общения, которое перемещается в социальные сети. В одной аналитической статье говорилось о том, что активисты, которые приходят на протестные акции, были «обществом анонимных революционеров» (Суворов 2011) — т. е. людьми, которые раньше никогда не встречались и никогда больше не встретятся, потому что публичное пространство, которое у них есть,— это интернет, и городское публичное пространство пока не воспринимается как реальная коммуникативная площадка. Протестные акции могут привести к существенному пересмотру роли городского пространства как территории публичной жизни, и способствовать дальнейшей трансформации в понимании публичного пространства.

Перевод с английского Дарьи Ширяевой

Библиография

- Акунин, Борис (2012). «Внимание: смертельный аттрацион “Контрольная Прогулка”!». *Радио Эхо Москвы*, 9 мая. <http://www.echomsk.spb.ru/blogs/akunin/6087.php>.
- Бикбов, Александр (2011). «Предисловие к сборному номеру». *Laboratorium. Журнал социальных исследований* 3: 10–13.
- Гладарев, Борис (2011). «Историко-культурное наследие Санкт-Петербурга: рождение общественности из духа города». В кн.: *От общественного к публичному*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Желнина, Анна, Анисья Хохлова, Елена Тыканова и Олег Паченков (2012). «Как реализовать “право на город”?». *Гайдар-клуб*, 19 марта. <http://club.gaidarfund.ru/articles/1162>
- Ипполитов, Александр (2007). «Европа на bullshit'e. Петербургские картинки». *Русская жизнь*. <http://www.rulife.ru/old/mode/article/317>.

- Куренной, Виталий (2012). «Деревня в городе. Урбанистическая революция в России еще не завершена». *Новая Газета*. <http://www.novayagazeta.ru/comments/52041.html>.
- Левинсон, Алексей (2012). *Пространство протеста, московские митинги и собственность горожан*. М.: StrelkaPress.
- Стратегический план (1998). *Стратегический план Санкт-Петербурга*. СПб.: Проектное бюро «Стратегический план для Санкт-Петербурга».
- Трубина, Елена (2012). «Протесты и города». *Русский Журнал*. <http://www.russ.ru/Mirovaaya-povestka/Protesty-i-goroda>.
- Чуйкина, Софья (2003). «Имидж Санкт-Петербурга в прессе (1998–2003)». В кн.: *Санкт-Петербург в зеркале истории*. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского.
- Allen, John (2006). "Ambient Power: Berlin's Potsdamer Platz and the Seductive Logic of Public Spaces." *Urban Studies* 43.2: 441–455.
- Andrusz, Gregory (2007). "Wall and Mall: A Metaphor for Metamorphosis." In *The Urban Mosaic of Post-Socialist Europe: Space, Institutions, Policy*, ed. Sasha Tsencova and Zorica Nedović-Budić, 71–90. Heidelberg, N.Y.: Physica.
- Boym, Svetlana (1994). *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Brenner, Neil, and Nik Theodore, eds. (2002). *Spaces of Neoliberalism: Urban Restructuring in North America and Western Europe*. Oxford: Blackwell.
- Burgers, Jack (2000). "Urban Landscapes on Public Space in the Post-Industrial City." *Journal of Housing and the Built Environment* 15.2: 145–164.
- Calhoun, Craig (1992). *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Calhoun, Craig (2005). "Constitutional Patriotism and the Public Sphere: Interests, Identity, and Solidarity in the Integration of Europe." *International Journal of Politics, Culture, and Society* 18.3–4: 257–280.
- Certeau, Michel de, Luce Giard, and Pierre Mayol (1998). *The Practice of Everyday Life: Living and Cooking*, Vol. 2. Trans. Timothy J. Tomasik. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Engel, Barbara (2006). "Public Space in the Blue Cities in Russia." *Progress in Planning* 66.3: 147–237.
- Fraser, Nancy (1992). "Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy." In *Habermas and the Public Sphere*, ed. Craig Calhoun, 109–142. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Graham, Stephen, and Alessandro Aurigi (1997). "Virtual Cities, Social Polarization, and the Crisis in Urban Public Space." *Journal of Urban Technology* 4.1: 19–52.
- Habermas, Jürgen (1974). "The Public Sphere: An Encyclopedia Article (1964)." Trans. Sara Lennox and Frank Lennox. *New German Critique* 3: 49–55.
- Harvey, David (2011). "The Party of Wall Street Meets its Nemesis." *Verso Books Blog*, October 28. <http://www.versobooks.com/blogs/777-david-harvey-the-party-of-wall-street-meets-its-nemesis>.
- Harvey, David (2003). "The Right to the City." *International Journal of Urban and Regional Research* 27.4: 939–941.

- Hollis, Leo (2013). "Cities Belong to Us." *Aeon Magazine*, July 18. <http://www.aeonmagazine.com/living-together/cities-thrive-when-public-space-is-really-public>.
- Jansen, Stef (2001). "The Streets of Beograd: Urban Space and Protest Identities in Serbia." *Political Geography* 20: 35–55.
- Leitner, Helga, Jamie Peck, and Eric S. Sheppard, eds. (2007). *Contesting Neoliberalism: Urban Frontiers*. New York: Guilford Press.
- Lofland, Lyn H. (1998). *The Public Realm*. New York: Aldine de Gruyter.
- Low, Setha (1997). "Urban Fear: Building the Fortress City." *City & Society* 9.1: 53–71.
- Magun, Artemy (2011). "Communisme qui est, communisme à venir." In *L'idée du communisme*, ed. Slavoj Žižek and Alain Badiou, 169–198. Paris: Lignes.
- Marcuse, Peter (2013). "Blog #33 — The Five Paradoxes of Public Space, with Proposals." *Peter Marcuse's Blog*, May 12. <http://pmarcuse.wordpress.com/2013/05/12/blog-33-the-five-paradoxes-of-public-space-with-proposals>.
- Mitchell, Don (1995). "The End of Public Space? People's Park, Definitions of the Public, and Democracy." *Annals of the Association of American Geographers* 85.1: 108–133.
- Mitchell, Don (2003). *The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space*. New York: Guilford Press.
- Nielsen, Finn Sivert (2004). *The Eye of the Whirlwind: Russian Identity and Soviet Nation-Building. Quests for Meaning in a Soviet Metropolis*. http://www.anthrobase.com/Txt/N/Nielsen_F_S_03.htm.
- Sennett, Richard (2012). "The Occupy movements have dramatised questions about public space: Who owns it? And who can use it?" *LSE: British Politics and Policy Blog*, October 10. <http://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/archives/27607>.
- Stanilov, Kiril (2007a). "Democracy, Markets, and Public Space in the Transitional Societies of Central and Eastern Europe." In *The Post-Socialist City*, ed. Kiril Stanilov, 269–283. Dordrecht: Springer.
- Stanilov, Kiril, ed. (2007b). *The Post-Socialist City: Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism*. Dordrecht: Springer.
- Whyte, William H. (1988). *City: Rediscovering the Center*. New York: Doubleday.
- Zhel'nina, Anna (2011). "'Learning to Use Public Space': Perception of Urban Spaces in the Post-Soviet Context." Paper presented at the Annual RC21 Conference, *The Struggle to Belong: Dealing with Diversity in 21st Century Urban Settings*, Amsterdam, The Netherlands, July 7–9. <http://www.rc21.org/conferences/amsterdam2011/edocs/Session%202012/RT12-1-Zhel'nina.pdf>.